

DOI: 10.31696/S086919080037353-5

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЧЕТНОЙ ДОЛЖНОСТИ КАНЕФОРЫ
ОТ АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ ДО ПТОЛЕМЕЕВСКОГО ЕГИПТА¹

© 2026

О.А. ДАВЫДОВА ^a^a – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0003-7593-5310; davydova.olga96@mail.ru

Резюме: Статья посвящена исследованию института канефор – девушек, возглавлявших праздничные религиозные процессии и переносивших корзины с ритуальными предметами для жертвоприношения. Работа систематизирует сведения о распространении и трансформации этой практики в греческих полисах и в Птолемеевском Египте. Основная цель – выявить универсальные черты и региональные особенности канефории через сравнительный анализ ее ритуальных, социальных и изобразительных аспектов. Ключевая роль канефор рассматривается двояко: как посредник между миром людей и божеств и как представительница элитарных слоев общества. Исследование опирается на комплексный анализ и критическое сопоставление разнообразных источников: литературных текстов, эпиграфических памятников, фиксирующих статус и происхождение участниц, археологических находок и иконографических материалов, таких как росписи сосудов, терракотовые статуэтки и элементы архитектурного декора. Ключевые выводы подчеркивают устойчивость обязательных элементов для выбора канефор: предбрачный возраст и знатное происхождение наблюдаются повсеместно. Одновременно выявлены существенные региональные различия. В материковой Греции и на островах вариативность проявлялась в формах корзин, способах их ношения, деталях костюма и стиле художественных изображений. В Египте, в рамках культов обожествленной царицы Арсинои II, богини Исиды и Сераписа, канефоры сочетали греческие традиции участия в процессиях с местными элементами: одеждой, наполнением корзин. Важный контраст наблюдается в функциях: в греческих полисах канефоры являлись в первую очередь центральными фигурами публичных религиозных церемоний, в то время как в Птолемеевском Египте доминировала их роль в религиозном служении царскому культу. Таким образом, институт канефор демонстрирует уникальную способность сохранять фундаментальные ритуальные и социальные принципы, гибко адаптируя внешние формы к локальным культурным и религиозным условиям. Эта эволюция, прослеженная от архаической Греции до эллинистического Египта, делает канефорию ценным примером универсального, но изменчивого культурного механизма, отражающего динамику религиозных и социальных взаимодействий.

Ключевые слова: Древняя Греция, птолемеевский Египет, эллинизм, жречество, канефора, Арсиноя II, Артемиды, Афина, Панафиней

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-78-10152 «Этнокультурное взаимодействие в Средиземноморье IV–I вв. до н.э.: политика, религия и интеллектуальная жизнь (Италия, Египет, Малая Азия)»; <https://rscf.ru/project/24-78-10152/>

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation under project 24-78-10152 “Ethnocultural interaction in the Mediterranean in the 4th–1st centuries BC: politics, religion and intellectual life (Italy, Egypt, Asia Minor);” <https://rscf.ru/project/24-78-10152/>

Для цитирования: Давыдова О.А. Трансформация почетной должности канефоры от архаической Греции до птолемеевского Египта. *Восток (Oriens)*. 2026. № 1. С. 37–49. DOI: 10.31696/S086919080037353-5

TRANSFORMATION OF THE HONORARY POSITION OF KANEPHOROS FROM ARCHAIC GREECE TO PTOLEMAIC EGYPT

© 2026

Olga A. DAVYDOVA ^a

^a – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0003-7593-5310; davydova.olga96@mail.ru

Abstract: *This article examines the institution of the kanephoroi – young maidens who led festive religious processions carrying baskets. The study systematizes information on the dissemination and transformation of this practice across Greek city-states and in Ptolemaic Egypt. The goal is to identify universal characteristics and regional variations within kanephoria through a comparative analysis of its ritual, social, and representational aspects. The key role of the kanephoroi is dual: they served as mediators between the human and divine realms and as representatives of elite social strata. The research employs a comprehensive analysis and critical comparison of diverse sources: literary texts, epigraphic records, archaeological finds and iconographic materials. Key findings underscore the stability of core selection criteria for kanephoroi: maidenhood and noble birth. Simultaneously, in mainland Greece and the islands, variation appeared in basket forms, carrying methods, costume details, and artistic depiction styles. In Egypt, within the cults of Arsinoe II, Isis and Serapis, the kanephoroi integrated the Greek tradition of processional participation with local elements in attire and basket contents. In Greek city-states, the kanephoroi were primarily central figures in public religious ceremonies, while in Ptolemaic Egypt, their role in religious service of the royal cult predominated. The institution of the kanephoroi demonstrates unique capacity to preserve fundamental ritual and social principles while flexibly adapting its external forms to local cultural and religious contexts. This evolution, traced from Archaic Greece to Hellenistic Egypt, establishes kanephoria as an example of a universal, adaptable cultural mechanism reflecting the dynamics of religious and social interactions.*

Keywords: Ancient Greece, Ptolemaic Egypt, Hellenism, priesthood, kanephoros, Arsinoe II, Artemis, Athena, Panathenaic Festival

For citation: Davydova O.A. Transformation of the Honorary Position of Kanephoros from Archaic Greece to Ptolemaic Egypt. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 1. Pp. 37–49. DOI: 10.31696/S086919080037353-5

Роль канефор в религиозной практике остается важным предметом изучения, поскольку их участие в праздниках являлось значимым элементом культа и важным социальным феноменом древних обществ. В Древней Греции канефорами были молодые девушки, возглавлявшие праздничные процессии, неся корзину (др.-греч. *kanobon*), наполненную сакральными предметами для жертвоприношения [Brellich, 1969, p. 305]. Ранние свидетельства, например, из Коринфа, не позволяют сделать однозначных выводов о генезисе и путях распространения практики [Dillon, 2000, p. 474; 2001, p. 39], а сама должность канефоры могла уходить корнями в минойскую эпоху [Roccos, 1995, p. 642]. Тем не менее, вопрос о

происхождении института канефор остается дискуссионным ввиду скудости источников доклассического периода. Таким образом, данная работа фокусируется не на проблеме происхождения канефор, а бытовании и эволюции канефории, прежде всего на свидетельствах из Афин, поскольку наиболее известный праздник, где канефоры принимали участие – это Панафинеи. Однако практика канефории выходила за пределы афинских праздников и была интегрирована в культовые системы других греческих полисов, а также Египта времен правления Птолемеев [Quaegebeur, 1971, p. 243]. Это позволяет применить сравнительный анализ для выявления общих и уникальных черт данного института в различных социокультурных и хронологических контекстах.

Целью исследования является систематизация сведений о канефорах и сравнение ритуальных, изобразительных и социологических аспектов данного института. Особое внимание уделено функциям канефор как посредниц между человеческим и божественным, а также как носительниц высокого социального статуса. Источниковая база охватывает литературные, эпиграфические и археологические свидетельства. Письменные источники, например, комедии Аристофана, произведения Феокрита и схолии к ним, сведения Фукидида, Филохора, Павсания, позволяют реконструировать связи канефор с культами богов: Афины, Артемиды и других. Эпиграфические памятники фиксируют имена и родовые связи канефор, а также участие в конкретных праздниках. Вазопись, терракотовые фигурки и архитектурный декор позволяют проследить особенности образа: костюм, позу, атрибуты. При этом важна критическая оценка источников, поскольку литературные описания и эпиграфика зачастую фрагментарны, иногда затруднительно определить дату проведения праздника или посвящение праздника определенному богу. Археологические находки, изображающие девушек с корзинами, не всегда позволяют уверенно идентифицировать их как канефор.

КАНЕФОРЫ В АФИНАХ

Канефоры (др.-греч. *κανηφόρος*) – девушки-носительницы ритуальных корзин – занимали особое место в религиозной жизни Древней Греции. Зачастую они описаны как нарядные девушки, использующие косметику (*Aristoph. Lys.* 642; *Schol. Theoc. Id.* II.66–68). Роль канефоры ценилась высоко: им выделяли доли жертвенного мяса – привилегия, сопоставимая с правами мужчин-чиновников [Dillon, 2002, p. 41]. В VI–V вв. до н.э. должность считалось временной церемониальной обязанностью, при этом канефоры не просто переносили корзины с предметами из хранилища к алтарю: само движение становилось обрядом. Крупные полисные праздники включали подобные процессии [Brellich, 1969, p. 305]. Случаи, когда в них фигурировали канефоры, многочисленны и разнообразны.

В классической Греции канефора возглавляла процессию, неся корзину с ладаном, лепешками, ножом, ячменем, который посыпали на голову жертвы, чтобы вызвать кивок – символическое согласие на жертвоприношение, а также повязками для украшения животного [Neils, 2007, p. 57–58]. Корзины изготавливались из лозы или металла, их формы варьировались от простых плоских подносов до сложных конструкций с высокими ручками, иногда напоминающими рога [Dillon, 2002, p. 37–38]. Канефоры несли корзины на головах или в руках. Кандидаток отбирали по строгим критериям: девственность, знатное происхождение, физическое совершенство и безупречная репутация [Бондарь, 2009, с. 103]. Канефорами становились девушки предбрачного возраста [Zarkadas, 2022, p. 360]. В классических Афинах он составлял 14–15 лет (*Xen. Oec.* VII.5; *Demosth.* XVI.4) [Brulé, 1987, p. 366]. В то же время в других полисах брачный возраст мог наступать позднее, например, в Спарте девушки становились невестами примерно в 18 лет [Pomeroy, 2002,

р. 44]. Свидетельства аттических ваз указывают, что юноши также могли быть носителями корзин. Предположительно, девушки выполняли функцию на общественных праздниках, а юноши – во время тех частных ритуалов, где девушки не могли участвовать [Dillon, 2000, р. 472–473].

Наиболее известным событием, в котором были задействованы канефоры, являлись Панафинеи (Великие и Малые) – главный праздник в честь Афины [Zarkadas, 2022, р. 360]. Изображения канефор сохранились на восточном фризе Парфенона: на левой стороне фриза изображено шестнадцать девушек, на правой – тринадцать. Две девушки передают корзину распорядителю [Neils, 2001, р. 154–158]. В центре фриза перед пожилой женщиной, жрицей Афины, изображены две канефоры с корзинами на головах. Рядом с ними – басилевс-архонт и ребенок [Robertson, 1975, р. 308], вместе они держат пеплос для Афины [Dillon, 2000, р. 476]. Остальные женские фигуры на фризе повреждены, но, судя по всему, в руках у них нет каких-либо предметов. Важно отметить, что интерпретация фриза остается предметом дискуссий: М. Робертсон подчеркивал, что это сложное произведение искусства, а не документальная запись процессии, поэтому на его основе нельзя строить достоверную реконструкцию события [Robertson, 1975, р. 8–12], а Дж. Нилс считала, что изображение является синтезом множества аспектов праздника, представленных как единое событие и фигуры в процессии одновременно движутся в пространстве и во времени, что может быть причиной дублирования некоторых из них [Neils, 2001, р. 33–71].

Похожий сюжет упоминается в комедии Аристофана «Птицы», где Прометей следует за канефорой, притворяясь, что несет зонтик и также выступает в роли дифорофоры (носительницы стула) (*Aristoph. Aves.* 1550–1552). Афинский комедиограф Гермипп также упоминал набеленных канефор и дифорофоров (*Hermipp. V.F25*).

О значимой роли канефор на Панафинеях свидетельствуют также древнегреческие мифы. Так, царь-основатель Афин Эрехтей постановил, чтобы девушки из знатных семей несли корзины в честь богини (*Philoch.* 328.F8; *Schol. Hom. FGrHist II f30*). Дочь Эрехтея, Орифию, выступавшую канефорой, во время процессии заметил бог северного ветра Борей и украл, обманув зрителей и стражников, чье присутствие указывает на публичный характер жертвоприношения (*пос. I*)² [Beazley, 1963, р. 67; Бондарь, 2009, с. 104]. Дочь следующего афинского царя Кекропа и внучка Эрехтея по имени Герса, будучи канефорой, привлекла внимание бога Гермеса (*Ovid. Met.* II.711–714). Данный социальный аспект – происхождение канефоры из знатного рода – закрепился не только в мифах, с этим связано несколько исторических эпизодов. Например, когда младшая дочь Писистрата, афинского тирана, в 560–527 гг. до н.э. исполняла роль канефоры, некий Фрасибул влюбился в нее, подбежал и поцеловал на месте (*Diod. Sic.* IX.37.1). Действительно, выделение в качестве лидера священной процессии становилось для девушки значимым социальным и религиозным опытом. В 514 г. до н.э. афинский тиран Гиппарх, сын Писистрата, отстранил сестру Гармодия от участия в качестве канефоры на Великих Панафинеях (*Thuc.* VI.56.1). Оскорбление, нанесенное сестре Гармодия, заключалось в отстранении ее от почетной роли, что задело честь девушки, а также в сомнении относительно ее девственности, что отразилось на репутации всей семьи и, вероятно, усугубило личное отношение Гармодия – будущего тираноубийцы – к Гиппарху.

Помимо мифических и исторических преданий, речевые обороты афинян показывают, насколько очевидна была связь между канефорами и Панафинеями. Выражение «нести корзину богине» (др.-греч. τὸ κανοῦν τῆς θεᾶς φέρειν), встречающееся у лексикографов [Bekker, 1814, р. 270] и паремиографов [Leutsch, Schneidewin, 1839, р. 136], без дополнительных пояснений означало «быть канефорой на Панафинеях»: оно стало поговоркой,

² Рис. 1–7, 9 находятся на цветной вклейке.

как видно из фрагментов комедии «Третьейский суд» Менандра, где гетера после трех дней вынужденного целомудрия заявляла, что, будучи «чистой», могла бы «нести корзину богине» (*Men. Erit.* 221). Во всех этих случаях связь с Панафинеями неоспорима: для афинян «та самая богиня» – это, безусловно, Афина; а Панафинеи были главным торжеством для канефор [Bekker, 1814, p. 270]. Кроме Панафинеи следует упомянуть другой аттический праздник – Бравронии в честь Артемиды, на которых, согласно Филохору, пеласги однажды похитили девушек-канефор (*Philoch.* 328 FGrH 8. F 101).

Начиная с середины VI в. до н.э., канефора появляется в афинской вазописи, однако, несомненно, канефоры участвовали в жертвоприношениях до того, как их стали изображать на керамике. Лекиф из Афин 520–500 гг. до н.э. изображает канефору с корзиной трехчастной формы на голове, за которой следуют двое мужчин, ведущих быков для жертвоприношения (*рис. 2*) [Caskey, Beazley, 1931, p. 10–11]. Канефора облачена в объемный «праздничный плащ», закрепленный на плечах, который считался ее характерной одеждой [Rossos, 1995, p. 646–665; Connolly, 2007, p. 38]. Однако данный наряд не может служить однозначным маркером канефоры, особенно если у нее отсутствует корзина. Подобные изображения помогают понять, какую одежду эти девушки носили во время процессий. Например, на афинской ойнохое V в. до н.э. канефора одета в плиссированный пеплос с каймой с объемными рукавами до локтей, поверх накинута мантия, спереди видны свободно свисающие концы пояса (*рис. 3*). Аналогично, канефора, возглавляющая процессию к Пифийскому Аполлону на афинском кратере V в. до н.э., облачена в пеплос: длинные рукава украшены узорами, а на уровне колен – орнамент (*рис. 4*). Это напоминает терракотовые статуэтки канефор, найденных на Родосе [Dillon, 2002, p. 42]. Интересно изображение канефоры на краснофигурном килике (*рис. 5*) [Boulter, Kurt, 1976, p. 34], поскольку девушка самостоятельно совершает возлияние, хотя данная обязанность, как правило, возлагалась на мужчин [Rossos, 1995, p. 647]. На ней хитон, поверх которого наброшен гиматий, украшенный каймой и покрывающий плечи.

Позже, с IV в. до н.э., возможностей стать канефорой стало гораздо больше, поскольку почти каждый праздник требовал корзины с ритуальными предметами. Только для Атики известны канефоры на Антестериях, Аполлониях, Браврониях, Делиях, Диогесетериях, Дионисиях, Элевсиниях, а также на празднике Геракла в Месогее [Бондарь, 2009, с. 104]. В надписях, датируемых периодом с IV в. до н.э. по II в. н.э., сохранились имена пятидесяти канефор. Большинство из них участвовали в празднествах в 138–95 гг. до н.э. [Turner, 1983, p. 327–342]. Девушки, как и положено, происходили из знатных родов: Кериков, Этеобутадов, Евмолпидов, Афидантидов, Евпатридов и Эрисихтонилов [Connolly, 2007, p. 34].

КАНЕФОРЫ В ДРУГИХ ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСАХ

Наличие должности канефор в других греческих полисах отражает способность данного института к адаптации в культурных и религиозных контекстах. При этом общепринятые принципы отбора девушек для этой роли сохранялись: благородное происхождение, девственность и предбрачный возраст. Изображения канефор из Коринфа, Фив и островных полисов демонстрируют как сохранение традиций, так и локальные инновации в одежде и форме корзины.

Самые ранние изображения канефор в греческом искусстве происходят из Коринфа, что, впрочем, не позволяет с уверенностью предполагать, что сама традиция восходила к местным религиозным практикам. На амфоре 600–575 гг. до н.э. изображена канефора, несущая на голове огромную корзину с кувшинами и прямоугольной конструкцией, внутри которой

находятся предметы. Сверху расположен меньший поднос, также с двумя кувшинами по бокам от контейнера, вся конструкция весьма громоздкая и отличается от изображений на аттической керамике (рис. 6) [Dohan, 1934, p. 523].

Беотийские изображения, напротив, демонстрируют тесную связь с аттической религиозной практикой. Из Беотии происходит известная чернофигурная лекана середины VI в. до н.э., изображающая процессию к алтарю, за которым стоит Афина со щитом и копьем [Roccos, 1995, p. 651]. Канефора возглавляет шествие, за ней следуют двое мужчин, ведущих быка, музыканты и жрецы, процессию завершает повозка (рис. 7). Данная композиция напоминает Панафинейские процессии, но беотийская канефора несет плоскую корзину, в то время как на керамике из Аттики формы корзин преимущественно высокие и трехчастные [Dillon, 2000, p. 474]. Также, возможно, существует взаимосвязь между канефорами и скульптурными кариатидами, впервые появившимися в греческих святилищах в VI в. до н.э. Богато одетые кариатиды-девы на сокровищнице сифносцев в Дельфах держат на головах предметы, напоминающие высокие корзины [Connolly, 2011, p. 321]. Они, вероятно, изображали девушек, которые в дни празднеств проходили мимо сокровищниц, ведя процессии по священной дороге к храму Аполлона.

Изображения канефор IV в. до н.э. были найдены также на Мелосе и Родосе. Мелосская терракотовая фигурка представляет собой канефору, одетую в хитон и гиматий и держащую корзину обеими руками. Три терракотовые канефоры происходят из Линдоса на Родосе. Наиболее хорошо сохранившаяся статуэтка облачена в хитон с длинными рукавами, поверх которого накинута гиматий, она обеими руками поддерживает на голове корзину (рис. 8). Подобные статуэтки, вероятно, имели votivный характер и посвящались божеству, в честь которого совершалось жертвоприношение [Dillon, 2002, p. 41]. Таким образом, сохраняя общие черты – пышное одеяние, предбрачный возраст и знатное происхождение – канефоры имели отличительные детали в одежде, форме корзин и способе их перенесения: в руках или на голове. Также можно заметить разницу между канефорой, возглавляющей публичную процессию с корзиной на голове, и канефорой, стоящей у алтаря с корзиной в руке.

Что касается письменных источников, сохранились две схолии к фрагменту текста Феокрита, где канефора упомянута в контексте культа Артемиды в Сиракузах (*Theoc. Id. II.66*) [Lillian, 1947]. Согласно первой схолии, канефорами Артемиды становились именно невесты, поскольку через этот обряд они «выкупали» свою девственность, чтобы богиня не мстила им [Brelich, 1969, p. 311–312]. Однако вторая схолия локализует обычай в Афинах. То есть утверждается, что канефоры служили не Артемиде, а Афине Полиаде, что указывает на возможное смешение образов или перенос афинского ритуала в иной культовый контекст [Ziegler, 1867, p. 23]. Данное расхождение затрудняет интерпретацию указанных строк, учитывая, что схолиасты зачастую добавляли разрозненные сведения к комментируемым текстам. Остается неясным, относится ли первая схолия к сиракузскому или афинскому ритуалу, о котором упоминается во второй. Так или иначе, данный ритуал подчеркивал связь между канефорией и подготовкой к замужеству, что перекликалось с аттическими традициями, но приобретало уникальный региональный оттенок. На Сицилии канефория, вероятно, имела характер индивидуального искупительного ритуала, а в Афинах акцент смещался на публичное участие в празднике.

Кроме этого, из эпиграфики и письменных свидетельств известно, что канефоры принимали участие в процессиях в честь богини Геры на Гераях в Аргосе (*Dion. Hal. Ant. Rom. I.21*), Зевса в Кarii [Hula, Szántó, 1895, S. 24], на празднике Басилей в Лейбадейях (*Plut. Amat. 771A*), на Делиях, Аполлониях и Дионисиях на Делосе [Fontrier, 1880, p. 338], на Дионисиях на Скиросе (IG XII.8.666).

Рис. 8. Терракотовая фигурка. Линдос, Родос, IV в. до н.э. Национальный музей Дании, инв. 10780 (по: <https://samlinger.natmus.dk/as/object/10141> (дата обращения: 13.01.2026))

Fig. 8. Terracotta figurine. Lindos, Rhodes, IV century BC. National Museum of Denmark, inv. 10780 (based on: <https://samlinger.natmus.dk/as/object/10141> (accessed: 13.01.2026))

Итак, региональные вариации института канефор в греческих полисах демонстрируют его гибкость как культурного феномена и универсальность как ритуала на праздниках греческих богов.

ГРЕКО-ЕГИПЕТСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ: КАНЕФОРЫ АРСИНОЙ, ИСИДЫ И СЕРАПИСА

В птолемеевской культовой практике фигура канефоры претерпела существенную трансформацию. На смену греческим девушкам-канефорам пришли египетские жрицы в эллинистических платьях с узлом Исиды (рис. 9), чья деятельность выходила за рамки носительниц корзин. Они не только участвовали в публичных праздниках, в частности ежегодном торжестве в честь правящей династии: жрицы с титулом «канефора» были назначены для регулярного отправления культа царицы Арсиной II.

Учреждение жречества для Арсиной II впервые зафиксировано около 267 г. до н. э. в Александрии: в папирусе из Оксириха, который содержит фрагмент труда Сатира из Каллата «О демах Александрии» (Р.Оху 2465, fr. 2, col. 1), упомянуто шествие в честь

Арсинои II, возглавляемое ее жрицей канефорой [Grabowski, 2014, p. 121]. Жречество Арсиной II было также учреждено в Птолемаиде, культовом центре почитания Птолемеев, где канефора впервые упоминается в папирусе 185–184 гг. до н.э. [Zauzich, 1968, S. 37 (P.dem.Mainz 7)]. Канефоры упоминаются по имени в формулах датировки греческих и демо- тических папирусов следом за жрецом Александра и Птолемеев [Quaеgebeur, 1971, p. 243]. Выбор титула канефоры для жрицы Арсиной II представляется обоснованным, поскольку это была известная и престижная культовая должность, прочно укоренившаяся в греческой религиозной традиции. Египетская канефора также избиралась из знатной семьи, что подчеркивало элитарный характер должности и ее связь с греческими традициями, но могла быть старше по возрасту, чем канефоры в Афинах. Несмотря на то, что в Египте практиковались ранние браки, и девушка могла быть выдана замуж примерно с двенадцати лет [Bagnall, Frier, 2006, p. 113], в период правления Птолемеев зафиксировано довольно много случаев, когда невестами становились в восемнадцать, двадцать лет и даже старше [Yiftach-Firanko, 2003, p. 97, 273].

Содержание корзины у жрицы Арсиной II также отличалось. Б. Ван Оппен предполагает, что корзина канефоры могла содержать не предметы для жертвоприношения, а свежие плоды первого собранного в году урожая [van Oppen, 2007, p. 146], что косвенно отсылало к известному атрибуту Арсиной II – двойному рогу изобилия, который изображался переполненным свежими фруктами. Данный элемент вызывал ассоциации с плодородием и процветанием и соотносился с культом греческой богини Тюхэ [Smith, 1994, p. 90].

Широкое распространение культа Арсиной II привело к появлению ее жриц не только в Египте, но и в других областях, подвластных Птолемеям. Эпиграфические источники из кипрских городов Идалиона и Китиона прямо указывают на существование этой практики. Так, надпись CIS I.93 из Идалиона 254 г. до н.э. представляет собой финикийское посвящение богу Решефу, который соответствовал эллинистическому Аполлону, насылающему болезни, от женщины Батсилемы и ее внуков. Текст точно датирован, благодаря тройной датировке: гражданскому календарю города, году правления Птолемея II и жрице – канефоре Арсиной по имени Ама-т-Осира [Fourtier, 2015, p. 38–39]. Кроме того, в этом же городе, в святилище Решефа найден камень, представляющий собой архитрав наиска (небольшого храма), с фрагментарной надписью:

Ἀρσινόε[ο[v .....]

ἀνδράσι α[.....]

Несмотря на повреждения, в тексте явно упомянуто пространство, посвященное культу Арсиной – Арсинойон [Senff, 1993, S. 12]. Вероятно, имелось в виду небольшое пространство для вотивных приношений, а не крупное храмовое сооружение. Тем не менее, упоминание Арсиной в святилище Решефа может служить уникальным свидетельством ассоциации обожествленной царицы с мужским божеством [Anaïs, 2021, p. 8]. Согласно другой надписи, на Кипре канефорой Арсиной стал мужчина – Ониситим, сын Аристона [Mitford, 1939, p. 28], который, помимо этого, заведовал делами местного гимназия. Это уникальный случай, когда должность занимал мужчина, обладающий к тому же административными полномочиями [Nicolaou, 1993, p. 228]. Другая надпись сохранилась на фундаменте статуи из Китиона. Ее установил Андромах в честь своей матери Ирены, дочери Птолемея, служившей канефорой Арсиной в 199–171 гг. до н.э. [Connelly, 2007, p. 38–39]. Скорее всего, все канефоры Арсиной II выполняли сходные функции, поддерживая традиции, сформированные в птолемеевском Египте. Это включало шествие во главе ритуальных процессий и несение корзины с плодами, что создавало унифицированный культ Арсиной II.

Титул канефоры Арсиной не имел привязки к культу греческих богинь, но мог быть выбран по причине широкой известности канефор, которые участвовали в процессиях во

многих греческих праздниках. Этого факта, по-видимому, было достаточно, чтобы утвердить данный титул для жрицы Арсинои II, особенно учитывая, что сама царица почиталась как богиня, разделяя храмы с другими божествами [Pfeiffer, 2019, p. 433]. Канефора Арсинои II, таким образом, воспринималась как самостоятельная фигура в культе, подобно канефоре Афины или Артемиды. Складывается впечатление, что у канефоры Арсинои II, помимо традиционного участия в процессии, были и другие функции, связанные с храмами в Александрии и Птолемаиде, где они вместе с другими жрицами отправляли культ Александра и обожествленных царей и цариц династии Птолемеев. Одно из последних упоминаний канефоры зафиксировано в 68 г. до н.э. в папирусе из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина [Malinine, 1967], однако само жречество могло функционировать вплоть до завоевания Египта Римом. При этом в данной должности девушки служили не только в рамках культа Арсинои II, но и другой египетской богини – Исиды – чья популярность в эллинистическое и римское время существенно возросла.

Канефоры упоминаются в контексте культа Исиды на Делосе. Это единственные женские культовые должности, которые фигурируют на этом острове вместе с клейдухом и служителем культа в надписях – начиная с момента перехода Делоса под власть Афин. Канефоры ежегодно служили в местном Серапеуме и, судя по всему, являлись молодыми девушками из знатных семей. Согласно П. Русселю, канефора не только несла корзину во время процессии, но и выполняла регулярные жреческие обязанности [Roussel, 1916, p. 269]. Это согласуется с общим представлением о служении в рамках культа Исиды. Кроме того, существуют элементы, связывающие культы Исиды и элевсинской Деметры на Делосе, например, надпись RICIS 202/0377 из Серапеума, где поклонялись паре Исида и Серапис, с посвящением элевсинской Деметре и Коре [Bricault, 2005, p. 300], а также найденные в дромосе Серапеума печати с изображением Исиды, пять из которых содержат изображение богини в короне с рогами, солнечным диском и перьями, а две – изображение богини в короне, где вместо перьев – колосья пшеницы, которые являются атрибутом богини Деметры [Martzavou, 2011, p. 75].

Элевсинская иконография, по крайней мере поздних периодов, действительно включала образы канефор [Siard, 2002, p. 542–543], но прямой связи между элевсинскими мистериями и канефорией не зафиксировано. В Элевсине сохранились посвятельные статуи женщин, служивших канефорами на празднествах, не связанных напрямую с мистериями. Кроме того, существуют две базы статуй середины I в. до н.э., посвященные женщинам, которые были канефорами египетских божеств. Надпись RICIS 101/0302 на базе первой статуи свидетельствует о посвящении канефоре Исиды [Bricault, 2005, p. 28]. Вторая база статуи, обнаруженная у внутренних пропилей храма Сераписа, содержала надпись RICIS 101/0301, из которой очевидно, что канефора служила богу Серапису [Bricault, 2005, p. 28]. Данные посвящения можно интерпретировать через призму делосских посвящений канефор в контексте культа Исиды: элевсинские посвящения могут отражать коннотации культа Исиды в элевсинском культе.

Что касается канефор Исиды в Афинах, эпиграфические данные подтверждают их существование в Римский период: фрагментарная надпись RICIS 101/0208 фиксирует посвящение от имени женщины, дочери Афродисия, бывшей канефорой Сараписа и Исиды [Bricault, 2005, p. 10]. Другое посвящение RICIS 101/0227 прославляло клеруха Исиды и Сераписа и упоминало канефору по имени Парамона [Bricault, 2005, p. 19]. Также существуют археологические свидетельства существования канефор Исиды в римских Афинах [Martzavou, 2011, p. 76]. Учитывая, что канефоры Исиды впервые засвидетельствованы на Делосе, афинских канефор в этом контексте, как и элевсинских, следует рассматривать как наследие культа Исиды на Делосе.

Таким образом, канефоры египетских божеств Арсинои II, Исиды и Сераписа представляли собой уникальный пример адаптации греческой культовой практики к новой религиозной среде. Этот процесс включал не только заимствование формальных элементов, но и переосмысление функций и визуальных элементов.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД: ПОЛИТИЗАЦИЯ И МАССОВЫЕ КАНЕФОРЫ

Эллинистический период стал эпохой, в которой канефория, изначально связанная с публичными шествиями, приобрела новые функции, превратилась в инструмент демонстрации экономического благосостояния. На первый план вышло не участие в ритуале, а именно укрепление социального статуса знатных семей. Значимость канефор в Афинах подчеркивается распределением мяса на ежегодном празднике Панафиней: декрет IV в. до н.э. устанавливал, что пританы получали пять долей мяса, архонты – три, жрецы Афины – одну, стратеги и военачальники – три, тогда как участники процессии и канефоры – «по обычаю», а остальное мясо распределялось среди афинян [IG II² 334.11–16]. Еще одним масштабным примером политизации стала деятельность Ликурга, который в 338–327 гг. до н.э., будучи ответственным за финансы Афин, пожертвовал золотые украшения для ста канефор (*Pausan.* I.29.16; ср. [IG II² 333.10]). Щедрый акт свидетельствует о качественном изменении ритуала: если в классический период на Панафинейх участвовала одна канефора, то в эллинистический период их количество значительно возросло. Это изменение, как отмечает М. Диллон, связано с эллинистическими инновациями, где массовые ритуалы стали отражением социальной интеграции и усиления роли полиса в управлении культом [Dillon, 2002, p. 41]. Золотые украшения для сотни канефор, вероятно, были не просто благотворительным жестом, но частью более широкой стратегии, направленной на укрепление доверия граждан.

Другим примером политизации канефории стало участие дочери Мильтиада в Панафинейской процессии [IG II² 968.52–53]. В условиях нехватки средств на организацию игр Мильтиад взял на себя их финансирование в Тесее в 153–152 гг. до н.э. и в Афинах в 142–141 гг. до н.э., используя собственные материальные возможности. Это обстоятельство помогло ему назначить свою дочь канефорой на Панафинейских играх [Mikalson, 1998, p. 258]. Действия Мильтиада стали не случайным актом благочестия, а стратегическим шагом, связанным с укреплением семейного престижа. Данный случай демонстрирует, как участие в ритуале демонстрировало благочестие и богатство семьи. Подобная практика, согласно Дж. Коннелли, была типичной для эллинистического мира, где религиозные должности становились частью системы, сочетающей публичное служение и личный интерес [Connelly, 2007, p. 34].

Увеличение числа участниц, как показывают надписи, упоминающие проведение Пифиад [Syll.³ 636] и Панафиней [Syll.³ 711], стало характерной чертой эллинистических праздников. В 138–137 гг. до н.э. в Пифиадах участвовало одиннадцать канефор, а в 106–105 гг. до н.э. – тринадцать, что, по мнению А. Брелиха, связано с эллинистической переработкой праздника [Brelich, 1969, p. 307].

Эллинистические инновации коснулись не только числа участниц, но и самой структуры ритуала. В классический период канефоры несли корзины с лепешками, ячменем и ножами, как изображено на аттических вазах. Однако в эллинистический период содержимое стало включать благовония и первые плоды собранного урожая. Например, на Кипре канефора Арсинои II Ама-Осира несла тростниковый сосуд, что перекликалось с финикийскими и египетскими практиками [Connelly, 2007, p. 38]. В Афинах эти изменения проявились в том, что корзины стали более декоративными, а их вес (до 3690 драхм), указывает, что они сами могли служить дарами, символизирующими благочестие и статус семьи. Некоторые корзины посвящались в качестве даров богам. Корзины упоминаются в записях сокровищницы

Афины и других богов среди посвящений Асклепию, а также в описи даров, хранившейся в Асклепейоне у акрополя [Aleshire, 1989, р. 48]. Корзины были чрезвычайно тяжелыми – от 10 до 16 кг. В описи Асклепейона указана корзина весом 945 драхм [IG II² 3457]. При соотношении 6000 драхм к одному таланту серебра (ок. 26 кг) такие корзины были слишком массивными, что подтверждает их votивное назначение [Dillon, 2002, р. 41]. Канефоры в культе Асклепия засвидетельствованы примерно с 300 г. до н.э., однако их появление вряд ли можно считать поздним нововведением [Aleshire, 1989, р. 90–92].

Таким образом, в эллинистический период канефория трансформировалась из локального ритуала в многофункциональный феномен. Примеры Мильтиада и Ликурга демонстрируют, как ритуал стал инструментом пропаганды, где щедрые пожертвования и выбор участниц служили укреплению статуса. Увеличение числа канефор, например, в надписях, фиксирующих проведение Пифиад, указывает на массовость ритуала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Канефория выступает как ритуальная практика, прошедшая путь от архаических шествий в честь Артемиды и Афины до включения в эллинистические и римские культы Исиды и Сераписа. Сопоставление греческих и птолемеевских традиций выявляет устойчивые элементы – возраст и статус канефор – при этом подчеркивая гибкость и адаптивность института в зависимости от локальной религиозной специфики.

Канефоры в Афинах являлись девочками-подростками, отобранными по строгим критериям. Их роль в процессиях была как символом готовности к браку, так и социального престижа. Корзины, которые они несли, изготавливались из лозы или металла и отличались трехчастными конструкциями с ручками, напоминающими рога. Содержимое включало лепешки, ладан, нож, ячмень, а также повязки. Одевались канефоры в пеплос с каймой и праздничный плащ часто с плиссированными рукавами и декоративными складками. Их участие в ритуалах было сопряжено с материальными привилегиями, например, им доставалась доля жертвенного мяса.

В других регионах Греции сохранялись общие принципы отбора канефор, но при этом появились локальные особенности. На коринфской амфоре канефора изображена с огромной корзиной, содержащей прямоугольную конструкцию, что указывает на специфические ритуальные практики. На беотийской лекане канефора несет на голове плоскую корзину, а ее одежда отличается пышностью складок и узоров. Терракотовая фигурка из Мелоса, где канефора держала корзину обеими руками, демонстрирует отличие от афинской и беотийской традиций ношения корзин на голове. Региональные художественные предпочтения проявлялись в более объемных складках одежды и акценте на динамике движения у терракотовых фигурок канефор, найденных на Родосе.

Канефоры в культах египетских богов представляли собой синкретический феномен, сочетающий греческие традиции и локальные особенности. Жрицы культа царицы Арсинои II носили корзины с плодами, символизирующими изобилие и процветание. Их одежда – платье с узлом Исиды – сочетала элементы греческого и египетского стилей. Канефоры Исиды и Сераписа могли выполнять не только церемониальные функции, но и ежедневные ритуалы. Эпиграфические данные из Идалиона и Китиона подтверждают массовое распространение канефории в эллинистический период.

Общими чертами всех групп были девственность канефор, их ведущая роль в процессиях. Однако можно выделить как внешние различия – в форме корзин и в их содержимом, так и структурные, связанные со степенью политизации института в разные периоды. Греческие канефоры оставались наиболее тесно связаны с публичными религиозно-поли-

тическими церемониями, тогда как в культуре птолемеевского Египта акцент сместился на религиозное служение в рамках царского культа. Таким образом, канефория выступала как универсальный, но гибкий культурный механизм, адаптирующийся к различным историческим и социальным условиям.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

CIS – *Corpus Inscriptionum Semiticarum*. Vol. I. Eds. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris: Reipublicae Typographeo, 1881.

IG II² – *Inscriptiones Graecae*. Vol. II. *Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores*. Editio altera. Pars V. *Inscriptiones aetatis Romanae*. J. Kirchner (ed.) Berlin: de Gruyter, 1935–1940.

RICIS – Bricault L. *Recueil des Inscriptions Concernant les Cultes Isiaques*. Vol. I. Paris: Diffusion De Boccard, 2005.

Syll.³ – *Sylloge inscriptionum graecarum*. Vol. 3. W. Dittenberger, F.F. Hiller von Gaertringen (eds.) Leipzig: Lipsiae S. Hirzel, 1915.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бондарь Л.Д. *Афинские литургии V–IV вв. до н.э.* СПб.: Нестор-История, 2009 [Bondar L.D. *Athenian Liturgies of the 5th–4th Centuries BC*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009 (in Russian)].

Aleshire S.B. *The Athenian Asklepieion*. Amsterdam: Gieben, 1989.

Anafis M. Arsinoe Philadelphus in Cyprus. *Kyprios Character. History, Archaeology & Numismatics of Ancient Cyprus*. 2021. <https://kyprioscharacter.eie.gr/en/t/Ay> (accessed: 05.04.2025).

Bagnall R.S., Frier B.W. *The Demography of Roman Egypt*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Beazley J.D. *Attic Red-Figure Vase-Painters*. Oxford: Clarendon Press, 1963.

Bekker I. *Anecdota graeca*. Vol. 1. *Lexica Segueriana*. Berlin: De Gruyter, 1814.

Boulter C.G., Kurt T.L. *Corpus Vasorum Antiquorum: The Toledo museum of art*. Fasc. 1, Part 17. Toledo: Toledo Museum of Art, 1976.

Brelch A. *Paides e parthenoi*. Rome: Editori Riuniti University Press, 1969.

Brulé P. *La fille d'Athènes*. Paris: Les Belles Lettres, 1987.

Caskey L.D., Beazley J.D. *Attic Vase Paintings in the Museum of Fine Arts*. London: Oxford University Press, 1931.

Connelly J.B. Ritual movement in sacred space: towards an archaeology of performance. *Ritual Dynamics in the Ancient Mediterranean: Agency, Emotion, Gender, Reception*. Ed. A. Chaniotis. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. Pp. 313–346.

Connelly J.B. *Portrait of a Priestess: Women and Ritual in Ancient Greece*. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Dillon M. Did Parthenoi Attend the Olympic Games? Girls and Women Competing, Spectating, and Carrying out Cult Roles at Greek Religious Festivals. *Hermes*. 2000. Vol. 128. No. 4. Pp. 457–480.

Dillon M. *Girls and Women in Classical Greek Religion*. London: Routledge, 2002.

Dohan E.H. Some Unpublished Vases in the University Museum, Philadelphia. *American Journal of Archaeology*. 1934. Vol. 38. No. 4. Pp. 523–532.

Fontrier A.M. Inscription de Tralles (pl. IV). *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1880. Vol. 4. Pp. 336–338.

Fourrier S. Chypre, des royaumes à la province lagide: la documentation phénicienne. *La Phénicie hellénistique. Actes du colloque international de Toulouse (18–20 février 2013)*. J. Aliquot, C. Bonnet (eds.) Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée, 2015. Pp. 31–53.

Grabowski T. The cult of Arsinoe II in the foreign policy of the Ptolemies. *Within the Circle of Ancient Ideas and Virtues: Studies in Honour of Professor Maria Dzielska*. M. Salamon (ed.) Kraków: Towarzystwo Wydawnicze "Historia Iagellonica", 2014. Pp. 117–128.

Hula E., Szántó E. Bericht über eine Reise in Karien. *Akademie der Wissenschaften Wien. Philosophisch-Historische Klasse: Sitzungsberichte*. 1895. Vol. 132. No. 2. S. 1–36.

- Leutsch E.L., Schneidewin F.W. *Corpus paroemiographorum Graecorum*. Vol. II. Göttingen: Gottingae Vandenhoeck et Ruprecht, 1839.
- Lillian B. A Lion among Ladies (Theocritus II, 66–68). *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1947. Vol. 78. Pp. 88–98.
- Malinine M. Partage testamentaire d'une propriété familiale (Pap. Moscou no 123). *Revue d'Égyptologie*. Vol. 19. 1967. Pp. 67–85.
- Martzavou P. Priests and Priestly Roles in the Isiac Cults. Women as Agents of Religious. Change in the Isiac Cults. *Ritual Dynamics in the Ancient Mediterranean; agency, emotion, gender, representation*. A. Chaniotis (ed.) Stuttgart: Steiner Verlag, 2011. Pp. 61–84.
- Mikalson J.D. *Religion in Hellenistic Athens*. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Mitford T.B. Some contributions to the epigraphy of Cyprus: Some Hellenistic inscriptions. *Archiv für Papyrusforschung*. 1939. Vol. 13. Pp. 13–36.
- Neils J. Looking for the Images: Representations of Girls' Rituals in Ancient Athens. *Finding Persephone: Women's Rituals in the Ancient Mediterranean*. M. Parca, A. Tzanetou (eds.) Bloomington: Indiana University Press, 2007. Pp. 55–78.
- Neils J. *The Parthenon Frieze*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Nicolaou I. Inscriptiones Cypriae Alphabeticae XXXII, 1992. *Report of the Department of Antiquities, Cyprus (RDAC)*. 1993. Pp. 223–232.
- Pfeiffer S. A Successful Ruler and Imperial Cult. *A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt*. K. Vanderpe (ed.) Hoboken: Wiley-Blackwell, 2019. Pp. 429–438.
- Pomeroy S.B. *Spartan Women*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Quaegebeur J. Documents concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis. *Journal of Near Eastern Studies*. 1971. Vol. 4. No. 30. Pp. 239–270.
- Robertson M. *The Parthenon Frieze*. Oxford: Phaidon Press Limited, 1975.
- Roccoss L.J. The Kanephoros and Her Festival Mantle in Greek Art. *American Journal of Archaeology*. 1995. Vol. 99. Pp. 641–666.
- Roussel P. *Les cultes égyptiens à Délos*. Nancy: Berger-Levrault, 1916.
- Senff R. *Das Apollonheiligtum von Idalion. Architektur und Statuenausstattung eines zyprischen Heiligtums*. Jönsered: P. Åströms Förlag, 1993.
- Siard H. Le Sarapieion C. *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 2002. Vol. 126. Pp. 537–545.
- Smith A.C. Queens and empresses as goddesses: The public role of the personal Tyche in the Graeco-Roman world. *Yale University Art Gallery Bulletin*. 1994. Pp. 86–105.
- Tiverios M.A. *Elliniki techni, archaia angaia*. Athens: Ekdotike Athenon, 1996.
- Turner J.A. *Hiereiai: The Acquisition of Feminine Priesthoods*. PhD Dissertation. Santa Barbara: University of California, 1983.
- van Oppen B.F. *Religious identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis*. New York: City University of New York, 2007.
- Yiftach-Firanko U. *Marriage and Marital Arrangements: A History of the Greek Marriage Document in Egypt, 4th Century BCE – 4th Century CE*. Verlag: C.H. Beck, 2003.
- Zarkadas A. Boreas and Oreithyia: The Abduction of a Kanephoros in the Panathenaic Procession. *From Kallias to Kritias. Art in Athens in the Second Half of the Fifth Century B.C.* J. Neils, O. Palagia (eds.) Berlin: De Gruyter, 2022. Pp. 357–378.
- Zauzich K.-Th. *Die ägyptische Schreibertradition in Aufbau, Sprache und Schrift der demotischen Kaufverträge aus ptolemäischer Zeit*. Bd. I. Verlag: Harrassowitz, 1968.
- Ziegler C. *Scholia in Theocritum codicis ambrosiani 222*. Tübingen: H. Laupp, 1867.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДАВЫДОВА Ольга Александровна –
младший научный сотрудник Института
всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Olga A. DAVYDOVA, Junior Research Fellow,
Institute of World History, Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье О.А. Давыдовой

Рис. 1. Гидрия. Борей и Орифия, справа за ними Афина. Афины, ок. 460 г. до н.э.

Базельский музей древностей, инв. 1906.296

(по: <https://antikenmuseumbasel.zetcom.net/en/collection/item/69862/> (дата обращения: 13.01.2026))

Fig. 1. Hydria. Boreas and Orithyia, with Athena behind them on the right. Athens, ca. 460 BC.

Basel Museum of Antiquities, inv. 1906.296

(based on: <https://antikenmuseumbasel.zetcom.net/en/collection/item/69862/> (accessed: 13.01.2026))

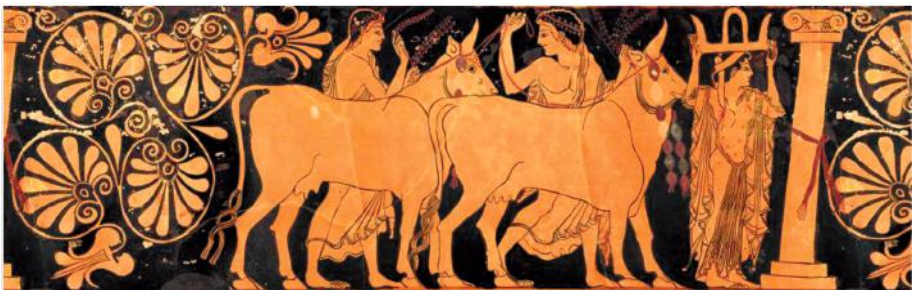

Рис. 2. Краснофигурный лекиф. За канефорой следуют двое юношей, держащих двух быков.

Афины, 520–500 гг. до н.э. Музей изящных искусств в Бостоне, инв. 13.195 (по: <https://collections.mfa.org/objects/153788/oil-flask-lekythos-with-sacrificial-procession?ctx=944d5b0f-ce76-48c3-b2eb-d9dab8d95dda&idx=0> (дата обращения: 13.01.2026))

Fig. 2. Red-figure lekythos. Behind the kanephoros are two young men holding two bulls. Athens, 520–500 BC. Museum of Fine Arts, Boston, inv. 13.195 (based on: <https://collections.mfa.org/objects/153788/oil-flask-lekythos-with-sacrificial-procession?ctx=944d5b0f-ce76-48c3-b2eb-d9dab8d95dda&idx=0> (accessed: 13.01.2026))

Рис. 3. Ойнохоя. За канефорой следуют две девушки. Афины, 490–470 гг. до н.э.

Государственные музеи Берлина, Коллекция древностей, инв. F 2189

(по: <https://recherche.smb.museum/detail/686444> (дата обращения: 13.01.2026))

Fig. 3. Oinochoe. Two girls follow the kanephoros. Athens, 490–470 BC.

Berlin State Museums, Antiquities Collection, inv. F 2189

(based on: <https://recherche.smb.museum/detail/686444> (accessed: 13.01.2026))

Рис. 4. Кратер. Процессия в честь Аполлона. Афины, ок. 440 гг. до н.э.

Национальный археологический музей Феррары, инв. 44894 (по: [Tiverios, 1996, p. 177, fig. 158])

Fig. 4. Krater. Procession in honor of Apollo. Athens, c. 440 BC.

National Archaeological Museum of Ferrara, inv. 44894 (after: [Tiverios, 1996, p. 177, fig. 158])

Рис. 5. Килик. Канефора совершает возлияние. Афины, 490–480 гг. до н.э. Музей искусств Толедо, инв. 1972.55 (по: <https://emuseum.toledomuseum.org/objects/56343/kylix-with-woman-pouring-libation-and-courtship-scenes> (дата обращения: 13.01.2026))

Fig. 5. Kylix. Kanephoros offering a libation. Athens, 490–480 BC. Toledo Museum of Art, inv. 1972.55 (based on: <https://emuseum.toledomuseum.org/objects/56343/kylix-with-woman-pouring-libation-and-courtship-scenes> (accessed: 13.01.2026))

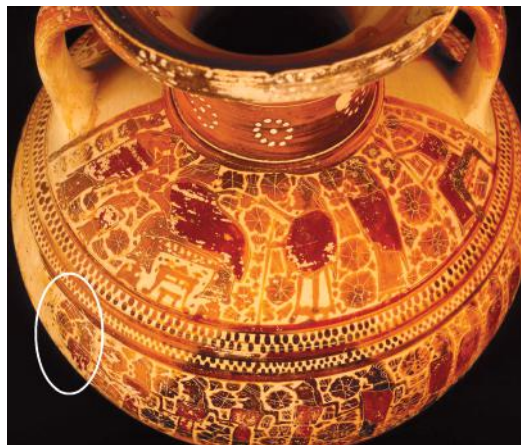

Рис. 6. Амфора. Канефора и хор из девушек. Коринф, 595–570 гг. до н.э.

Музей археологии и антропологии Пенсильванского университета, инв. MC552 (по: <https://www.penn.museum/collections/object/103277> (дата обращения: 13.01.2026))

Fig. 6. Amphora. Kanephoros and chorus of girls. Corinth, 595–570 BC. University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, inv. MS552 (based on: <https://www.penn.museum/collections/object/103277> (accessed: 13.01.2026))

Рис. 7. Лекана. Канефора возглавляет шествие к Афине. Беотия, ок. 550 гг. до н.э. Британский музей, инв. 1879,1004.1 (по: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1879-1004-1 (дата обращения: 13.01.2026))

Fig. 7. Lekane. Kanephoros leads the procession to Athena. Boeotia, c. 550 BC. British Museum, inv. 1879,1004.1 (based on: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1879-1004-1 (accessed: 13.01.2026))

Рис. 9. Статуя жрицы богини Исида, Верхний Египет, ок. I в. н.э. Греко-римский музей Александрии (фото О.А. Давыдовой)

Fig. 9. Statue of a priestess of the goddess Isis, Upper Egypt, c. 1st century AD. Greco-Roman Museum of Alexandria (photo by O.A. Davydova)